

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Статуэтку из чистого золота,
когда-то принадлежавшую
древнему северному
племени, вывезли речные
разбойники, но это
приобретение никому
не принесло счастья...

Людмила ГОРЕЛИК

**Золотой идол
ВИКИНГОВ**

Артефакт & Детектив

Людмила Горелик

Золотой идол викингов

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горелик Л.

Золотой идол викингов / Л. Горелик — «Эксмо»,
2021 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-118918-1

Золотой языческий идол принадлежал древнему народу, но перед смертью шаман проклял его и всех, кто с ним был связан. Это проклятие действует до сих пор... Сергей Воробьев и его подруга Стелла вместе с руководителем археологического кружка Карлом Шлоссером начали несанкционированные раскопки кургана неподалеку от Смоленска. Какова же была их радость, когда они обнаружили древнего золотого идола! Правда, они еще не представляли, чем обернется эта находка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118918-1

© Горелик Л., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Людмила Горелик

Золотой идол викингов

Глава 1

Приглашение и переезд

Шла весна 1991 года. Все рушилось, все подвергалось сомнению, все было в движении. Тут-то, среди всеобщего разнонаправленного потока новизны, как снег на голову свалилось на Веру Ильиничну это заманчивое предложение.

Когда зазвонил телефон, она как раз доклеивала обои в прихожей. К тому времени Вера Лопухова уже четвертый год делала ремонт в новой квартире, вкладывая в него всю свою до недавних пор очень приличную зарплату заведующей лабораторией на крупном заводе и всю душу. Это была ее первая собственная квартира. Получила ее Верочка в возрасте «за сорок».

До двадцати восьми лет Вера жила в Смоленске с родителями. И следуя их советам, все время училась, повышала квалификацию.

Ее прилежание было оценено: когда квалификация выросла, Вере предложили прекрасную должность заведующей химической лабораторией. Но далеко, в чужом южноуральском городке.

Вера тогда согласилась с радостью, потому что в Смоленске устроиться по своей специальности (высокомолекулярная химия) ей не светило: не так много требовалось специалистов, их вполне хватало.

Уезжать из родного города очень не хотелось, однако неизбежность переезда была очевидной: прожить жизнь с родителями в двухкомнатной хрущевке, перебиваясь на нелюбимой и низкооплачиваемой работе, – малопривлекательная судьба.

Переехав, она быстро привыкла к новому месту. В заводском общежитии, где Вера прожила одиннадцать лет, ей было хорошо. Она жила в отдельном отсеке, включавшем комнату с кухней. И одинокой она себя не чувствовала: у нее быстро образовался свой круг, неплохая компания, состоящая из соседей и сослуживцев. По преимуществу люди без семьи и почти ровесники, они вместе проводили досуг: катались на лыжах, ходили в лес на шашлыки, все праздники отмечали вместе.

Все же, когда получила квартиру, Вера очень обрадовалась. Квартира в новом, белого кирпича, доме с квадратной светлой комнатой, с большой лоджией и просторной кухней принадлежала лично Верочке, она вызывала восторг...

Вера вылизывала ее, как кошка котенка. Три года она потратила на исправление строительных недоделок и благоустройство своей прекрасной квартиры.

А когда доклеивала обои в прихожей, раздался телефонный звонок. Предлагали работу квалифицированного химика в Смоленске.

Вера Ильинична растерялась: она не хотела уезжать, однако и отказаться было никак нельзя. За пятнадцать лет она привыкла к новому пространству, к местной природе, полюбила принявший ее уральский город и не думала об отъезде. Тем более родители к этому времени уже умерли... И все же... Это был родной город, который Верочка часто вспоминала. И, конечно, там жила Надя, ее родная сестра, племянники, по которым Вера тоже скучала, – а здесь, на Урале, вообще никаких родственников, только друзья...

Надя преподавала английский язык в Смоленском энергoinституте. Ее муж работал инженером на заводе. У них было двое детей. Старший Петя уже учился в институте, а Люба

оканчивала седьмой класс. Можно будет приходить к ним, общаться... Все-таки это почти своя семья.

Несмотря на наличие друзей, Вера иногда чувствовала себя одинокой в уже привычном и любимом, но все же, как ни крути, не родном уральском городе.

Однако решиться на переезд было трудно. С сомнением, с неохотой, плохо веря в то, что действительно переедет, Вера начала подыскивать обмен.

В 1991-м квартиры у советских граждан были еще неприватизированными, их следовало не продавать, а обменивать.

В глубине души Вера надеялась, что не сможет обменять свою квартиру, замечательную, конечно, но расположенную в небольшом промышленном городке, не столь красивом, как Смоленск. И тогда не надо будет уезжать.

Обмен, однако, предложили быстро. Как только по заводу и городу разнесся слух, что Лопухова уезжает в Смоленск, к ней явился незнакомый мужчина. Его тесть жил в Смоленске и с радостью согласился бы на обмен с Верой.

– Он там, считай, один живет – есть только дальние родственники. А он к дочери поближе хочет переехать. У него отдельная двухкомнатная квартира в центре города – правда, требующая ремонта... – рассказывал этот человек.

Одновременно он внимательно оглядывал Верину комнату. Замечательную, с большой застекленной лоджией, только что прекрасно отремонтированную, да!

– А на какой улице? – рассеянно спросила недовольная Верочка.

«Знаем мы ваш центр! – думала она. – Заднепровье, небось! Берлога какая-нибудь...»

Она все еще надеялась, что обмен по каким-либо причинам не подойдет. Уж очень не хотелось уезжать.

– Сейчас... – Незнакомец порылся в кармане и достал тетрадный листок. – Вот тут адрес жена записала.

– Улица Ленина, дом три... – прочитала Вера Ильинична и не поверила своим глазам. – Кажется, я жила там рядом... В детстве... – сказала она этому незнакомому человеку.

Говорить не надо было, наверное. Но от неожиданности Лопухова потеряла самоконтроль.

– Наш дом был номер один, это рядом, а какой же третий, я плохо сейчас представляю. Надо съездить посмотреть.

На майские праздники Вера отправилась в Смоленск.

Первое мая в том девяносто первом году еще отмечалось, хотя как-то вяло.

Лопухову легко отпустили с демонстрации, выезжала она 29 апреля. Две подруги провожали ее на вокзал.

Весна была ранняя, солнечная, теплая, пахло зелеными листочками и нежной весенней сыростью.

Смоленск встретил осенним дождем, холодом. А Верочка приехала в легком плаще.

Все было мрачным, никаких зеленых листиков деревья даже не обещали. Молча гнули под дождем и ветром черные ветви.

«Нет, не надо переезжать», – подумала Вера Ильинична.

Под влиянием погоды воспоминания нахлынули не очень приятные.

Свои детские годы Вера любила, вспоминала их с радостью и даже умилением, но после окончания института начались многолетние поиски работы, чувство собственной ненужности...

Нет, ничего веселого в ее смоленской молодости не было.

Вот и сейчас ей сразу стало холодно. Кроме дождя, никто ее на вокзале не встречал.

Вера и не ждала: сестра и ее муж на работе, племянники учатся.

Доехала на трамвае, взяла ключ, как было договорено, у соседей...

Вечером, конечно, велось много разговоров.

Верочка была откровенна: сказала, что насчет переезда сомневается.

И Надя, и племянники, и Надин муж Саша были Верочке рады, однако, чувствуя ее настроение, переезжать не уговаривали: смотри сама, как тебе лучше.

На другой день, проводив родственников на работу или учебу, Вера надела Надину теплую куртку и отправилась смотреть квартиру.

Дом оказался не рядом, а тот же! Как-то перетасовались номера, и этот бывший некогда номером первым дом стал номером третьим! В этом доме она жила с двух до четырнадцати лет... Необыкновенное время!

Вера была впечатлительная и хорошо помнила те детские годы. Семнадцатиметровая комната, где они жили впятером с 1950 по 1963 год, до сих пор часто ей снилась.

На покрашенной бежевой краской двери прибита планка, там висят на гвоздях пальто и шапки всех домочадцев – как дверь выдерживает? Стены покрыты нежно-салатового цвета известкой и украшены серебряным «накатом», имитирующим обои. По правой стене впритык друг к другу теснятся: кровать тети Мани, диван, на котором вечерами, стряхивая сигаретный пепел мимо стоящей на столе пепельницы, сидит и курит обложенный газетами и книгами папа, а ночью спит маленькая Верочка, огромный буфет, загораживающий почти всегда сырой, с проступающей кое-где плесенью угол (этаж последний, крыша здесь протекает). Затем высокое узкое окно, и по другой стене кровать родителей, шифоньер с зеркалом, кровать сестры, узкая этажерка с книгами в углу. Квадратный стол посередине: за ним и обедают, и уроки делают. Стол покрыт пестрой клеенкой со светлыми вытертыми пятнами (это пролившиеся чернила оттирали содой), три стула и продавленный диван теснятся вокруг...

Очкастый молодой человек, двоюродный племянник хозяина квартиры, встречает ее на углу.

Тот же подъезд!

– Нам на третий этаж, – говорит юноша.

Тонкая болезненная иголочка колет в сердце Веры: «Неужели?!»

Лестница та же: крутая и длинная (здесь высокие потолки), заплеванная, с чугунной витой решеткой перил, с въевшейся в деревянные поручни грязью.

– К сожалению, у дяди все окна выходят во двор, – продолжает рассказывать парень.

И иголочка в сердце отпускает, одновременно с облегчением и болью: окно комнаты Лопуховых выходило на улицу.

Сестры Лопуховы, Надя и Вера, любили смотреть в окно, особенно в мае, когда улица Ленина оживала. К началу шестидесятых ее сделали пешеходной, и по вечерам на эту улицу выходила почти вся молодежь города. Сотни пар ног шаркали по асфальту, слышался звонкий девичий смех, выкрики...

Надины одноклассники махали снизу руками, кричали ей что-то в окно, она отвечала, сильно высовываясь за раму... Мама ругала ее за это.

Случалось, Надя выскакивала из квартиры, присоединялась к друзьям...

– Верочку возьми! – строго приказывала мама. – Иначе не пойдешь: пусть она тоже по воздуху прогуляется!

– Да, все три окна во двор... – продолжает сопровождающий. – Ну, сейчас сами посмотрите.

«Не наша, значит...» – Вера глубоко вздохнула.

Она ведь уже почти поверила.

Квартира находилась напротив той коммуналки, где когда-то жили Лопуховы.

На площадке были всего три двери: бывшая лопуховская коммуналка, нынешняя квартира, предложенная Вере на обмен (здесь тогда тоже была коммуналка, но кто в ней жил, она теперь совершенно не представляла), а за третьей дверью была не квартира, а комната – она начиналась сразу, без прихожей, и кухни там тоже не было.

Эту комнату Вера хорошо помнила: там жила косоглазая Светка – в женском царстве, с мамой, тетей и бабушкой. Их фамилия была Соловьевы. С ними дружила Верочкина тетя Маня, иногда Верочка ходила туда с ней в гости, играли со Светкой, пока взрослые беседовали. В этой большой, метров двадцать, комнате всегда пахло керосином: готовили здесь же, на примусе.

Молодой человек постучал в дверь каким-то условным стуком («Звонок оборван, чинить придется», – отметила Вера), залязгали замки, потом цепочка, и Вера отвлеклась от воспоминаний.

Хозяин оказался деловым, ушлым мужиком за пятьдесят. В квартиру эту он с дочерью переехал шесть лет назад – поменялся из Ярцева. Вначале была одна комната, а после смерти соседки ему оставили и другую. Не стали никого подселять, «потому что дочь, что к вам на Урал замуж вышла, тоже здесь прописана, не выписывалась отсюда», – так он пояснил.

Да... И мир тесен, и люди чего только не выдумают для улучшения собственных жилищных условий.

Квартира, давно не отремонтированная, находилась в плачевном состоянии. Очевидно, хозяин изначально думал об обмене, отремонтировать ему было невыгодно.

Вера Ильинична видела, конечно, и протекающие краны на кухне, и мокрые от конденсата трубы в туалете, и дыры от облупившейся штукатурки на стенах и потолке в комнатах. Но ее это почему-то не смущало.

«Ай, ту ведь отремонтировала, и эту тоже отремонтирую», – думала она.

– Ванной у нас нет, но вот в этом месте можно выгородить душ, – объяснял между тем хозяин. – А горячая вода течет, видите? – Он открутил и без того капающий кухонный кран, вылилась струйка ржавой воды.

– Да, теплая, – потрогала, кивая, Вера Ильинична.

Дальше завертелось быстро.

Вернувшись к себе на Урал, Лопухова действовала как в тумане: оформляла документы, ходила по инстанциям, паковала вещи, прощалась с друзьями...

Оставлять городок, где впервые обрела любимую работу и свой собственный угол и где жизнь складывалась, в общем, удачнее и легче, чем в ее смоленской юности, было невыносимо тяжело, однако и дом на Ленина был полон ранними детскими воспоминаниями, часто счастливыми и всегда значительными.

Этот дом до сих пор ей снился. Снились комната с высоким потолком, под которым вечно кружатся клубы дыма от папиной сигареты, кровати вдоль стен, двери с отполированной ладонями ручкой, пальто на гвоздиках...

Документы оформили быстро.

В июле Вера уже переехала в Смоленск.

На заводе ее приняли нормально. Работа была менее интересной, чем прежняя, но все ж по специальности и поначалу прилично оплачивалась. Зарплата, впрочем, быстро рухнула: прошел ГКЧП, наступила осень девяносто первого. Тогда рухнуло все, зарплата, естественно, тоже.

Ремонт в этих обстоятельствах делать было невозможно – денег теперь едва хватало на еду, иногда и не хватало.

Не лучше шли дела в семье сестры – и у нее, и у мужа постоянно задерживали зарплату.

Чтобы прокормить детей, Саша устроился на дополнительную работу – ночным сторожем. Теперь его дома почти не видели.

Вера первоначально жила у Нади, а потом переехала в собственную так и не отремонтированную квартиру. Подметала каждое утро обвалившуюся за ночь с потолка и стен штукатурку, мылась в тазике на кухне ржавой водой.

Все ж постепенно обживалась. Обставила квартиру старой своей мебелью, пришедшей контейнером с Урала, расставила книги, повесила занавески на окна.

За пару бутылок водки (ее продавали гражданам по талонам, и Вера, как и все, талоны аккуратно отоваривала – это была валюта) нашла специалистов для замены кранов и закрепления светильников на потолке.

На общем фоне падения жизненного уровня и охватившей людей растерянности жизнь в полуразвалившейся квартире без души стала казаться Лопуховой нормальной. Она отвечала веяниям эпохи, соответствовала обстановке начала девяностых.

Какой же может быть личный комфорт, да и зачем он, если вся страна несется в смятении и не знает куда? Не в бездну ли?

«Русь, куда мчишься ты? Дай ответ! – Не дает ответа...»

Глава 2

Жизнь Медведя в родном городище Свинечске

Городище Свинечск, расположенное в местах проживания кривичей, в незапамятные времена основали, по-видимому, русы.

Русами, а чаще русью, называли гребцов, которые на многовесельных ладьях сплавлялись по Днепру: из варяг в греки, из греков в варяги. Эти гребцы были по преимуществу славянами из племени кривичей или балтами.

Свинечск удобно втиснулся в устье реки Свинец – это малый приток Днепра. Совсем рядом, всего в одиннадцати верстах от Свинечска, находится город Смоленск.

Основной промысел местных жителей – катанье. Здесь прерывается речной путь, начинается волок. Катальщики помогают переправить ладьи от небольшой речки Свинец, по болотам, да случается, что и посуху приходится волочь ладью, к Северной Двине – если в варяги караван идет. Или, наоборот, из Двины протащить волоком до реки Свинец, а по ней уж к Днепру сплавить – это если из варяг в греки. Маленькие суда иногда человек 30–40 поднимают и на плечах несут. Но в основном волоком катят, с помощью специальных приспособлений.

Население в Свинечске разнообразное: кроме кривичей и балтов, здесь живут варяги.

Первые жители городища были из славяно-балтийского племени кривичей, что и по Волге расселены, и по Днепру, и по Северной Двине – большое племя. Рядом с ними здесь всегда находились балты.

Народы эти жили дружно, больших различий в образе жизни у них не имелось. И те и другие занимались преимущественно переправой судов между реками – волочением – да еще ремесленничеством: чинили ладьи, изготавливали простейшие орудия и другой товар, пользующийся спросом у проезжих.

Позже с северо-запада приплыли в Свинечск викинги. Викинги сразу взяли поселение под свой контроль. Быстро обжившись в городище, они стали взимать дань с проезжих судов и защищать городище от разбойников.

Славяно-балтийские племена на них не обижались, даже радовались их приходу на свои земли: «В безопасности теперь живем».

Викинги были воинственны, они могли защитить и себя, и других жителей от любых разбойников.

А до Свинечска и ушкуйники доходили – от них чего хочешь ожидай, – да и воинственных половцев местные жители опасались, те с низовьев Днепра могли напасть.

Помимо того, что викинги были хорошими воинами, они умело торговались с проезжими купцами – на благо не только себе, но и другим жителям. Так что пришли к стати. Судов здесь ходит много, на них богатые купцы ездят. Если наладить торговлю, можно хорошо жить.

Викинги быстро освоились и стали всем в городище заправлять.

Медведь сколько себя помнит ладью катал. Еще небольшой был, а катал с отцом да с братьями.

Рано катать начал: сильным уродился, не зря Медведем назвали.

Имя это ему дали не сразу, а уж когда подрос. При рождении его Градибором нарекли, а когда вырос мальчик и стало видно, что он на редкость крепкий да плечистый, начали звать Медведем. После смерти отца старшим в семье стал Вячеслав, Вячко. По нему теперь и семью кличут – Вячковы.

Вячко на десять лет Медведя старше. Между ними (по старшинству) Ярополк, Лис и Добрыня. Сын Вячеслава, Береза, тоже недавно катать начал. Вячковы дружные – так родители воспитали.

Все братья Медведя работающие: летом, когда купеческие суда прекращают движение по Днепру из варяг в греки и из грек в варяги (летом речки мелкими становятся, болота сохнут – не проволокешь ладью), занимаются ремесленничеством: кто горшки глиняные изготавливает, кто сельскохозяйственные орудия кует. Продают и своим землякам, а когда суда пойдут, приезжие купцы всегда берут у Вячковых что-нибудь для перепродажи. Братья и ладьи проеэжие могут починить, если надобность есть. Так что хорошо живут.

Старшие братья все женаты, детишки подрастают – иные большие уже, скоро с отцами волочь начнут.

Нынешней весной и Медведь жениться задумал, пора уже. Медведю недавно исполнилось шестнадцать лет, столько же и Сиггурд, его избраннице.

Сиггурд из знатной семьи варягов, были опасения, что ее не отдадут за Медведя. Но месяц назад, как раз перед отправкой очередной купеческой ладьи на Двину, Фари, отец Сиггурда, дал согласие на брак. Что ж, Вячковы тоже не последняя семья в Свиначеске... И все же братья Вячковы гордились согласием Фари на брак дочери с Медведем.

Сейчас братья, в числе других катальщиков, возвращались в родной городище.

Волоченье было привычным делом, в походах всякое случалось, но в этот раз все прошло гладко: болотца между Свиначью и Двиной, хорошо знакомые катальщикам, еще не пересохли. Нести посуху пришлось совсем чуть-чуть, а в основном большую тридцативесельную ладью волокли по малым речкам, ручейкам да заболоченной местности.

Греческие купцы, направлявшиеся в Новгород, тоже остались довольны – доволокли быстрее, чем обещали. Никаких разногласий при оплате не возникло, купцы арабскими дирхемами заплатили и даже добавили немного сверху.

Так что катальщики возвращались в Свиначеск довольные. Волы, которым при катанье важная роль отводится, тащили тяжелые деревянные приспособления для катанья, сами катальщики шли почти налегке.

По дороге Вячковы обогнали товарищей по работе и шли сейчас небольшой дружной гурьбой.

Больше всех спешил, конечно, Медведь – старшие братья отпускали на этот счет шуточки, но в целом относились к нетерпению брата с пониманием. Сиггурд – красивая девушка, до свадьбы осталось недолго, а не виделись влюбленные уже месяц. Естественно, что Медведь спешит.

Когда вышли из соснового леса, открылся на пригорке Свиначеск. Собственно, городище в лесу и стоит. Лес здесь красивый: редко растущие, ровные, высокие сосны. Внизу сухие хвойные иглы, шишки сосновые, сверху – голубое небо.

Майский денек выдался теплым, солнечным, в прогретом лесу было спокойно. Братья широко шагали по мягкому коврику из иголок, радуясь знакомым местам.

Свиначеск хорошо вписался в ложбинку между лесом и тихой речкой Свинцом, городище окружено с трех сторон зеленой плотной стеной леса. С четвертой стороны река. Деревья защищают городище от врагов, а река жителей кормит.

Вот и к Свиначеску вышли, первые домики городища показались. Людей на окраинной улице не видно – середина дня, все заняты. Две чужие ладьи стоят у причала. Не слишком большие, на двенадцать весел.

– Уикуйники в Свиначеске! – говорит Вячко.

Ладьи и впрямь уикуйские: на носу каждой ладьи – страшная оскаленная морда белого медведя. Такую ладью называют уикуй, от этих речных судов и название «уикуйники» возникло.

Ушкуйники – речные пираты, а кто говорит, воины новгородские, которые от своего рода оторвались, разбойничать начали... Они родом с севера, белый медведь – их тотем.

– Ушкуйники и есть! – подтвердил слова старшего брата Добрыня. Белый медведь на корме судна не оставлял сомнений. – Это, видно, те, что в прошлом году у нас были. Они мирные... Вишь, лады собираются смолить.

Сильный запах соснового вара, пронизывающий воздух, не оставлял сомнений в правильности этого утверждения.

В прошлом году ушкуйники приходили в Свинечск с миром. Торговали, суда свои чинили, за волоченье деньги хорошие дали... Они тогда шли из варяг в греки, а теперь назад, значит. Так-то пусть приходят. В Свинечске купцов всегда приветствуют, хорошо принимают. А как же?! С них ведь и живут...

– Значит, на несколько дней у нас задержатся. Интересно, кто их до Двины поволочет?! – Вячко оглянулся на братьев.

В прошлый раз ушкуйники как раз к ним обратились – может, и нынче их выберут. Что ж, заказ был бы неплохой... Тем более несколько дней еще есть до отправки отдохнуть.

Только Медведь, младший из братьев Вячковых, опечалился. Он рассчитывал в ближайшие недели свадьбу сыграть, а если откатывать ушкуйские суда придется, свадьба опять откладывается.

От ямы для выварки к ним уже шли Гуца, Кабан и Жереслав – местные жители, соседи Вячковых, промышлявшие смолением судов. Это они только что копошились возле ямы с сосновой вываркой.

– Быстро вы обернулись! – восклицали они. – Быстро откатали!

– Повезло нам, что дожди прошли в прошлом месяце, – начал рассказывать Лис. – Посуху волочь совсем мало пришлось.

– Зато теперь дождей нет уж вторую неделю... Интересно, кто эти шнеки поволокет... – деловитый Вячко кивнул на стоящие у причала лады ушкуйников.

Собеседники переглянулись и ничего не сказали. Кательщиков в городище хватало – не факт, что ушкуйники наймут именно бригаду Вячковых, хотя они считались одними из самых опытных.

Глава 3

Будни двора, восстановление знакомств

Постепенно Лопухова узнавала соседей. К ее удивлению, в некоторых квартирах продолжали жить люди, запомнившиеся ей с детства.

Первой она встретила, конечно, Светку Соловьеву. Теперь, почти через сорок лет, они вновь стали ближайшими соседками!

Светка Веру тоже узнала, хотя и не сразу. Рассказала, что работает кондуктором в трамвае, живет одна, замуж не выходила.

Последнее Вере было понятно – она и сама замуж не вышла: в молодости казалось, что для этого должна быть взаимная любовь, а теперь стало поздно, к пятидесяти дело идет.

В общем, на личном счастье Вера поставила крест – тем более обстановка располагала: мир рушится, какое теперь счастье!

А уж Светке с ее семейной традицией женского одиночества и косым глазом... Кстати, косина у нее с годами уменьшилась.

Общались они давно – только в дошкольные годы. Потом пути разошлись: Вера в первый класс стала ходить в ближайшую седьмую школу, а Светку Соловьеву отдали в интернат, и поговаривали, что в коррекционный. Когда Светку забирали на каникулы, разговаривали всегда при встрече, но дружбы не было. И сейчас, став вновь соседками, тоже не особо подружались. Сходили по разу друг к другу в гости, и все.

Соловьева так и жила в той странной комнате – без прихожей, без кухни... Сразу с лестничной площадки шагаешь в комнату. Теперь там поставили газовую плиту, воду горячую провели и даже выгородили угол для туалета... получилась студия, как теперь называют.

Раньше-то Соловьевы готовили на примусе, который прямо на обеденном столе посреди комнаты стоял, а «по нужде», как и весь их подъезд, бегали во двор – хоть вечером, хоть ночью – в некрашеное и щелястое деревянное строение с грубо нарисованными краской буквами «М» и «Ж». Горячую воду, газ и туалеты во всех квартирах сделали вскоре после того, как семья Лопуховых съехала, получив двухкомнатную хрущевку на окраине. А Светка, значит, в своей студии так и осталась.

Кроме Светки, Вера повстречала еще нескольких знакомых по детским годам жильцов. Те, кто были тридцать лет назад взрослыми, стали стариками, не всегда узнаваемыми...

Но Верины ровесники сохранились неплохо. Нелечка Подопригора из пятого подъезда превратилась в красивую ухоженную даму. Скорее всего, у нее теперь другая фамилия. Веру она при первой встрече не узнала, и та не стала навязываться, лезть с воспоминаниями. Они и в детстве мало общались.

Запомнилось, что Нелина семья жила в отдельной квартире и, кажется, даже из двух комнат. Квартиры в довоенном старом доме сильно разнились в зависимости от подъезда.

Третий, четвертый и пятый были с удобствами, то есть с туалетом и горячей водой. Там имелись и коммуналки, и отдельные квартиры.

Первый и второй подъезды состояли из одних коммуналок и не имели удобств.

В войну дом был сильно разрушен, и восстанавливали сразу после освобождения города, в течение 1943–1945 годов.

В 1943-м, когда часть дома, выходящую на Ленина, приводили в порядок, важна была просто крыша над головой, до удобств ли... Потом уже об удобствах задумались – все ж дом в самом центре.

Нелечка жила в пятом подъезде. В третьем жили близнецы Трапезниковы, Сашка и Веник, страшные хулиганы. Кого-то из них Вера встретила, он ее, конечно, не узнал. А вот

Валя Пашутина, ближайшая соседка Нели, при встрече Веру сразу узнала и чуть не на шею к ней кинулась.

Валя сразу выложила, что живет с матерью, мужем, двумя детьми в той же самой квартире, что в детстве. Рассказывала долго, она всегда разговорчивостью отличалась...

Толик Рассветов из третьего подъезда радостно хлопал Веру по плечу, восклицая: «Лопухова! Это же здорово, что ты опять в свой дом вернулась!», но потом выяснилось, что он принял ее за Надю: они с Надей в одном классе учились.

В общем, встреч было много, однако детские знакомства теперь казались малоинтересными. Тем более что помнились уже смутно.

К весне Вера в новой квартире вполне обжилась. Конечно, ремонта она не сделала, просто перестала о нем мечтать. Душ так и не поставила, принимала душ раз в неделю, ходила к сестре или же в баню.

Эти походы возвращали в пятидесятые, и Вера утешала себя тем, что условия у нее все равно лучше, чем были у Лопуховых в той коммуналке детства. Жалко только, что все окна во двор выходят.

Двор детских лет Вера помнила хорошо, изменился он мало. Маленький, неудобный, с полным отсутствием зелени. Дом расположен буквой Г: более длинная часть по улице Ленина, короткая – по улице Маяковского. Слева его огораживает глухая (торцовая) стена соседнего дома, а прямо напротив окна коммунальной кухни Лопуховых была раньше котельная с горами угля и шлака рядом с воротами. Зимой из огромной трубы котельной шел дым, кочегары в перепачканных фуфайках тачками завозили в ворота уголь, вывозили дымящийся шлак...

Теперь котельной нет, ее заменил ряд двухэтажных сараев – Светка сказала, что снесли котельную и построили сараи в семидесятые, было тогда такое поветрие.

Все же вид из Вериных окон и сейчас не самый лучший. Помимо общей неухоженности, двор сильно портит старая, дореволюционной постройки, выгребная яма, или попросту помойка, притулившаяся между сараями и стеной. Таких уже, наверное, больше нигде нет: огромная яма, с высокой кирпичной кладкой по краям.

Помойку эту Вера тоже помнит с детства – каменного века сооружение, антиквариат. От нее вонь по двору разносится, летом мухи летают – окно не откроешь.

В пятидесятые никто особого внимания на это не обращал. Там ведь рядом еще и туалет-сортир стоял. Его снесли, когда провели во все подъезды канализацию, то есть в середине шестидесятых. Лопуховы к тому времени хрущевку на окраине получили, переехали, так что тот ремонт и те улучшения не застали.

Однако теперь Вера, кажется, попадет на реорганизацию двора. Во всяком случае, на днях Валя Пашутина, встретив ее у ворот, радостно сообщила, что скоро придет конец их мучениям: помойку этим летом снесут, поставят современные контейнеры. Оказывается, жильцы дома уже не первый год писали жалобы и просьбы о ее реконструкции, и вот их жалобам вняли.

– А ты откуда знаешь, что вняли? – недоверчиво спросила Вера. – Столько лет не реагировали и вдруг решили отреагировать? – Лопухова была пессимисткой, ей не верилось, что именно теперь, когда все рушится, хоть что-то, хоть помойку, будут строить. – С какой вдруг стати? Денег нет, зарплату по полгода задерживают, на какие шиши сносить-то будут?!

Эта Пашутина в детстве была врушей, с нее станется и сейчас что угодно придумать – так, для разговора.

При этом веселая и доброжелательная «вруша» Валя редко обижалась, даже если ее вывели на чистую воду. Не обиделась она и сейчас.

– Нелечка говорит! – ответила Валя все так же радостно. – Неля Королева служит в мэрии, секретарь у Котова. Ну, из нашего подъезда, Нелечка Подопригора, а Королева это по мужу, ты же ее помнишь, конечно? А Котова помнишь? Ну, Стасик, красивый такой? Во втором подъезде они с матерью жили?! Он, конечно, был лет на двенадцать старше нас.

Как ни странно, Вера вспомнила Стасика. Запомнился он потому, что мама Нади и Веры Лопуховых часто ставила его в пример дочерям: «Какой вежливый молодой человек! Всегда поздоровается, всегда в дверь пропустит. Он мне сумку с продуктами вчера предложил помочь донести! Я, конечно, отказалась, но приятно. Я бы хотела, чтоб мои дочери такими же выросли!»

Стасик этот был и впрямь всегда вежлив, но Надя с Верой его не очень любили за мамнины постоянные наставления.

– Помню, – кивнула Вера. – Так он начальство теперь? Ну, к тому шло...

– Да, Котов – начальник отдела эксплуатации жилфонда департамента городского хозяйства мэрии. Он, конечно, здесь давно не живет. Но, между прочим, здороваётся при встрече! Он по центру часто пешком ходит. Молодец все же, не зазнался. А Нельку вообще секретаршей к себе взял, еще когда работал в исполкоме. Она ведь замуж сразу после школы выскочила, образование не стала получать, хотя и хорошо в школе училась. Ну, потом дети подросли... Муж у нее не так плохо зарабатывает, однако все ж в семье деньги не лишние... Пора и на работу, а работу хорошую без специального образования найти нелегко. Она Стасика и спросила, это еще лет десять назад. Она, ты же помнишь, всегда смелая была. Остановилась при встрече и спросила. А он и впрямь устроил! И работает уже десять лет, ей работа нравится. И подходит ей. Это она рассказала, что скоро наш двор в порядок приведут: все снесут, современные контейнеры поставят. Ты же знаешь, что, может, Ельцин в Смоленск приедет осенью? Мы в самом центре живем: вдруг он рядом окажется! А от помойки нашей допотопной вонь такая бывает, что даже с улицы слышно! Хлоркой полиют, а толку-то?! Вот и нашли деньги...

Глава 4

Золотая Баба

К Сиггурд Медведь смог отправиться только ближе к вечеру. Пока все привели в порядок после похода: волов накормили и в стойло поставили, все приспособления для волочения судов почистили, сами в бане помылись...

Баня у Вячковых выкопана в земле, с накатом из крепких качественных бревен. Дух в бане смолистый, крепкий, братья охаживают друг друга дубовыми вениками – хорошо!

Но Медведь не стал долго баней наслаждаться. Обмылся только и пошел одеваться. Братья его не задерживали, им было понятно его нетерпение.

Солнце уже сильно клонилось к западу, когда Медведь подошел к дому Фари.

Дом отца Сиггурд большой, стоит на пронизанном солнцем пригорке...

Медведь, как всегда, немного растерялся при виде богатства Фари.

«Что ж, – успокоил он себя. – И Вячковы не лыком шиты...»

Сиггурд выбежала ему навстречу. Окон в доме Фари, как и в других домах городища, нет, но ей сообщила о приходе Медведя маленькая сестра, игравшая у входа с котком Мышебором.

Этого серенького котка Фари в прошлом году купил у проезжих купцов. Из грек те купцы шли в варяги, а котка в качестве товара захватили еще дальше Греции – на востоке где-то.

Полезный оказался зверек! Он и мышей, и крыс, и змей даже ловил. А сам мягонький, с пушистой шерсткой, добрый и смысленный очень.

Фари ни разу не пожалел, что дорогую цену за котка заплатил.

– А я тебя давно жду! – Сиггурд мимоходом погладила котка. И Медведь тоже погладил. – Я уж знаю, что вы вернулись, откатали, – продолжила девушка.

Глаза ее сияют, длинные светлые волосы распущены и украшены подвесками. Видно, что Сиггурд ждала его, наряжалась: на ней шелковое платье с позолоченной бронзовой фибулой на плече, широкое снизу и с широкими рукавами, но узкое в талии, мягкие кожаные башмаки.

Медведь глядел и не мог наглядеться. Как хороша его Сиггурд! Скоро она станет его женой. Пока что он даже за руку не смеет ее взять. Встречные оборачиваются на такую красивую пару. Многие знают, что скоро свадьба.

Когда они вышли к берегу Свинца, увидели ладьи возле причала.

– Уикуйники в Новгород идут, кому-то из наших ладьи катать придется. – Сиггурд кивает на ладьи. – Вы же не пойдете?

Медведь пожимает плечами.

– Не знаю... Как Вячко скажет... Мы вообще-то неплохо заработали уже... Надеюсь, что не пойдём. Сиггурд... Все у нас будет хорошо. И в любом случае (что бы ни произошло!) совсем скоро ты станешь моей женой...

У Медведя почему-то тревожно на душе, он задумчиво смотрит на девушку, отгоняя нехорошие предчувствия.

Сиггурд опускает голову.

– Да, Медведь! Если только не пойдете с уикуйниками, то скоро уже совсем. Я тоже этого жду... Но мне иногда грустно бывает, что отцовский дом покину...

Сиггурд доверчиво и с любовью поднимает глаза на Медведя. Какая она юная!

«Хоть бы уикуйники другую бригаду наняли волочь... – думает он. – Если предложат хорошие деньги, Вячко вряд ли откажется. И тогда еще на месяц придется свадьбу отложить...»

– А к нам сегодня Синеус приходил! – вспоминает Сиггурд. – С товарами! Отец мне вот эту фибулу купил! – Девушка показывает на бронзовую фибулу, которой склото ее платье.

Медведь кивает. С Синеусом – смуглым веселым парнем – он знаком. Этот парень, из уикуйников, всего на три года старше Медведя. В прошлый раз, когда уикуйники через Сви-нечск в греки шли, они познакомились.

Синеус, конечно, вспылчив, но и храбр. Медведю он, в общем, понравился.

– Красивая! – соглашается Медведь, разглядывая брошь.

– Ну да, мне подходит, я и выбрала эту... – Сиггурд, скосив глаза, тоже разглядывает фибулу. – Еще много чего у него купил отец. Из Греции хорошие товары! Персидские тоже есть... А еще Синеус рассказывал, что они летом, перед тем как в Новгород отправиться, куда-то очень далеко, в холодные края, ходили. И до самого края света дошли... Оттуда у них тоже товары есть. Ой, какие красивые серебряные подвески отец для матери купил... Брату ножны с инкрустацией... Но это все персидское! Синеус и Золотую Бабу предлагал, которую с края света привез! Только дорого очень запросил.

– Что за баба? Что за край света? Почему холодные края? В Греции и дальше, на востоке, наоборот, тепло... – Медведь удивленно вскинул брови.

– Баба из чистого золота! Так Синеус говорит. Отец поверил, что золотая, а он разбирается. Довольно большая, вот такая... – Сиггурд показала руками высоту Бабы, разведя их от собственной талии до середины лба. (Медведь уважительно крикнул.) – Красивая! Отцу понравилась. Но Синеус три тысячи дирхемов запросил! Столько и дом наш не стоит! Не хотел, видно, продавать, только похвастаться хотел... Специально столько назвал. Это ж надо... Говорит, она не простая, счастье должна принести...

– А откуда она взялась? Что за край света?

– В нынешнем году, совсем недавно то есть, уикуйники сделали поход на северо-восток! В другую сторону совсем! Синеус говорит, давно хотели посмотреть, что там... Горы обогнули, перебрались, потом на север, по реке большой, широкой, сплавились. Как Волга, такой же широкой, только холодной очень. И дошли до таких земель, где лета не бывает и деревья не растут...

– Подожди... – Медведь даже остановился. – Так это они в Югорию ходили?! Они раньше рассказывали, что хотят побывать, да я не верил, что такое бывает...

«Придумывает Синеус, – думал он. – Неужели правда существует такая земля?»

– Ой, ты знаешь уже про эту землю! – всплеснула руками Сиггурд. – Именно так он и говорил: «Трава там не растет, а люди живут». И называл ту страну – Югория. И еще там городище такое было... как это... – Девушка наморщила лоб, но это ее не портило, она стала даже красивей от живой заинтересованности, светившейся в ее глазах. Наконец она вспомнила: – Усть-Полуй, вот как называется! И народ там живет – вогулы! Они сначала ватагу Синеуса приняли очень хорошо. А Синеус у них украл Бабу Золотую! Он так смеялся, когда рассказывал... Это их божество было, они ей поклонялись – от нее вся жизнь их зависела. Они, как поняли, что Баба у ватаги, кинулись на них, да кто ж с уикуйниками справится! Уикуйники и не с такими сражались... Перебили преследователей, да и уплыли. Поминай, как звали! И Золотую Бабу теперь с собой возят. Продавать он ее здесь не хочет... В Новгород везет. Сказал – там посмотрит.

– Это Синеус все сам отцу говорил? – удивился Медведь.

Синеус болтлив, но не до такой же степени.

– Ну, отец ведь угостил хорошо... Пива много, вина заморского бутыл, мед хмельной отец поставил. Синеус и стал вспоминать про поход. Отец у него много всего купил, он и рад был, что удачно поторговал. Вдвоем долго сидели. Синеус отца другом называл. Отец потом нам рассказал про Бабу, однако не велел никому больше говорить. Синеус так, похвастаться приносил, а продавать он ее и не собирался. Ты ведь не скажешь? Я только тебе... – Она опять опустила голову. Вспомнила, что отец строго-настрого наказал не говорить никому. Но ведь Медведь-то свой...

– Нет, конечно, не расскажу, даже братьям не буду рассказывать, – кивнул Медведь. – Фари прав, не говори ни о Золотой Бабе, ни вообще о Югории никому больше. Синеус опасный человек, с ушкуйниками вообще шутки плохи. Если он по пьянке проболтался, лучше всего забыть все, что говорил, и не вспоминать никогда.

Глава 5

Убийство

Вход в Верин подъезд теперь имелся только со двора, как и в иные подъезды. А раньше первый подъезд, где жили Лопуховы, был сквозным, в нем имелось единственное в доме парадное – вход не только со двора, но и непосредственно с улицы Ленина. Со двора же арка вела на улицу Маяковского – такой проход получался через двор этого углового дома.

Маленький дворик был в ту пору проходным, из него были выходы на две улицы: Ленина и Маяковского. На зиму вход с улицы Ленина некрасиво заколачивали снаружи досками (чтоб не выдувалось тепло?), но уже в конце апреля доски отдирали, и парадный вход опять функционировал.

Сейчас об этом парадном входе не напоминало ничего. Дверь в первый подъезд с улицы Ленина осталась, но она вела в крохотный магазинчик сувениров – его выгородили из пространства под лестницей.

Первый подъезд стал таким же, как другие.

В пятницу Вера после работы домой не пошла, а решила навестить Надю. Зашла в магазин, купила печенья... Торты сестры Лопуховы не любили – от них толстеешь очень.

Надя с детьми была дома, а Саша дежурил на овощебазе – он подрабатывал там сторожем после основной работы: тяжелые времена наступили...

Вера с радостью согласилась на Надино предложение принять душ – в тазике как следует не помоешься.

Потом долго сидели за столом – ужинали и пили чай.

Возвращалась она уже в темноте. Проходя через длинную арку во дворик, вспомнила, как в детстве боялась здесь вечером ходить. Арка узкая, страшная, из старинного темного гранита. Строили ее, конечно, еще до революции – на проезд машин не рассчитана, только на экипаж разве.

Двор был тоже совсем темным, без фонарей. Иногда в арке курил кто-нибудь или шел навстречу.

Вот и сейчас неизвестный мужчина быстро прошел, мелькнул в темноте подворотни тенью...

Вера Ильинична усмехнулась: теперь-то она не боится. Тем более теперь почти возле каждого подъезда фонарик светит...

Когда рылась в сумочке, нащупывая ключ от домофона, прочитала объявление на двери: «В 19 часов состоится собрание жильцов по вопросам благоустройства двора. Просим всех съемщиков квартир явиться». Пропустила она собрание... Скорее всего, конечно, чепуха какая-нибудь.

Ключом открывать подъезд не пришлось: оттуда вышел мужчина, Вера его узнала – один из братьев Трапезниковых, то ли Сашка, то ли Веник...

Эти близнецы в детстве немало ей крови попортили – хулиганы были. Раньше всегда вдвоем ходили, а теперь она уже не первый раз встречает их по одиночке.

Трапезников мало изменился, узнаваем, только непонятно, кто из братьев – она и в детстве-то не могла их различить.

Дома почти сразу легла спать и спала крепко.

В субботу Вера собралась с утра на базар. Обычно она шла до Колхозной площади пешком, а назад, с тяжелыми сумками, ехала на автобусе или в маршрутке.

Выйдя на лестничную площадку, обратила внимание, что дверь в Светину студию не заперта – даже слегка приоткрыта, маленькая щелка образовалась.

«Что это она дверь распахнутую держит! Пригорело у нее, что ли?!» – подумала Вера.

Но запаха не было слышно, и она заглянула, слегка расширив щелку.

– Света, ты знаешь, что у тебя дверь открыта настежь? Ты что, проветриваешь?

Никто не отзывался, и Вера, открыв дверь пошире, шагнула за порог.

В комнате почему-то ярко горел электрический свет. Диван после ночи был уже собран, однако хозяйка лежала на нем, отвернув голову к стене...

Спит? Наверное, встала рано, затемно, включила свет, а потом все же решила прилечь? Но дверь-то надо закрыть...

Вера осторожно подошла к дивану.

– Света... – тихонько позвала Вера.

И испуганно отпрянула, едва сдержав крик. Лицо соседки было неживым, страшным.

Что с ней случилось? Какой-то приступ?! Нужно срочно позвонить в «Скорую»...

Телефона ни у Светы, ни у Веры не было (телефон – большой дефицит, попробуй-ка его поставь!), поэтому она стала звонить соседям по площадке – к тем самым, что жили в прежней лопуховской квартире: приятная женщина Анна с мужем Константином.

Отношения были хорошими, но прохладными – знакомы были мало, только здоровались.

При обычных обстоятельствах Вера не стала бы их беспокоить. Сейчас они, возможно, еще спят (суббота!), но тут не до вежливости: Света может умереть.

«Если она еще жива...» – мелькнуло в голове, однако проверять Вера и не подумала, это было выше ее сил.

– Аня, – обратилась она с порога к заспанной соседке, – тут Свете плохо стало, разрешите вызвать «Скорую».

Пока дожидались машины, зашли к Соловьевой, тем более Аня сказала, что работает медсестрой.

– Ох, похоже, это все... – сказала она, взглянув лежащей соседке в лицо.

Взяла за руку, пытаясь найти пульс, однако тотчас руку отпустила: все, уже похолодела...

И посмотрев на побледневшую Веру, добавила:

– Ну, не отчаивайся так... Врача все равно надо, чтоб удостоверил... Знаешь что... – Она впервые обратилась к Вере на «ты». – Пойду-ка я и милицию тоже вызову.

Дальше все завертелось, как в страшном сне.

Вера Ильинична не вполне воспринимала происходящее.

«Скорая» и милиция приехали почти одновременно.

В небольшой комнате толклись медработники, милиционеры, понятые.

«Знала бы бедная Светка, какое ей будет оказано внимание», – с горечью думала Вера.

Милиционеров было трое. Веру допрашивал высокий блондин, очень красивый, назвавшийся капитаном Зубаревым.

Почему-то он более всего интересовался вчерашним вечером. Узнав, что Лопухова вернулась поздно, потребовал описать всех, кого встретила во дворе. Но двор был пустынен...

Ах да, Вера вспомнила Трапезникова.

Почему он выходил из их подъезда?

Теперь и сама Вера задумалась.

Трапезников жил в третьем подъезде, к кому он в первый так поздно приходил? Кстати, который это из братьев?

Тут же выяснилось, что Вениамина уже давно нет в живых, погиб в автокатастрофе несколько лет назад. Так что это мог быть только Александр.

Позже Вера вспомнила и про тень, мелькнувшую в подворотне...

Про того Лопухова, впрочем, почти ничего не могла сказать – она его и не разглядела в темноте.

Аню тоже допрашивали. Отпустили их уже к обеду.

Милиционеры пошли по квартирам, расспрашивали других жильцов. Тело увезли. Пустую студию опечатали.

Глава 6

Насланная болезнь

С утра Медведь репу таскал, обрезал и сушил. Вячко велел всю вытащить, посушить да в яму сложить на зиму – репу они всю зиму, до самой весны ели: ее и парили, и варили, и так, сырую ели с квасом – вкусно.

Остальные братья тоже не бездельничали: кто на гумно овес молотить пошел, кто розжь высушенную и обмолоченную в мешки ссыпал и укладывал их в риге, кто горшки глиняные обжигал на продажу, а что не продадим, себе пригодится... Мало ли дел в доме? Бабы одни не со всем управиться могут.

«Надо все сейчас переделать – может, скоро опять катать пойдем, если ушкуйники плату хорошую предложат», – сказал Вячко.

Сам он набрал мелких товаров, что братья раньше наготовили, в суму переметную, да и отправился как раз к ушкуйникам: и свое продать, и у них прикупить – нужное, если будет.

Вернулся Вячко к обеду, довольный. Продал почти все, что брал, да и купил кое-что.

Суму, опять полную, начал разгружать.

Пока братья, их жены и дети разглядывали и обсуждали покупки, Вячко молчал: гвалт и без того стоял в доме.

Когда же все разложили и примерили, настало время о деле поговорить.

– О волоченье речь не зашла вовсе, – сказал он братьям, отвечая на невысказанный вопрос. – Не с кем было пока говорить. И Синеус, и Ляпа, и Васька от болезни свалились. С вечера всех троих жар охватил, утром еще хуже. Зелейника Кутю привели с ночи еще, наварил он зелья, да зелье не помогло. Баню истопили – никакого толку. За ведунном сейчас послали. Может, волхв, дядька Ядрей, поможет.

– За самим Ядреем послали? – переспросил Ярополк.

А Добрыня зубами поцыкал.

– Да, видно, плохи впрямь дела...

– Так что нет начальника пока у ушкуйников. Никто на себя не берет, ждут, пока эти поправятся или в нижний мир уйдут, – заключил Вячко.

Братья понимающе кивали. С Синеусом, Ляпой и Васькой, атаманами ватажников, шутки плохи. Никто не решится их функции присвоить, пока они живы. Это правильно.

К вечеру в Свинечске стало известно, что двое из ранее заболевших умерли, да и другие ватажники заболели.

К дому Вячковых пришел Остромысл, один из наиболее уважаемых членов ватаги. В прошлый приезд он подружился с Вячко.

– Вячко, помоги... – сказал он. – Ты нам друг, всегда другом был, мы знаем. А тут такое дело – в нижний мир провожать придется нам своих товарищей. Надо как следует проводить. Они ведь всю свою жизнь в речных да морских походах провели. В ладье бы надо.

Заручившись согласием, Остромысл не спешил уходить. Видно было, что ему сильно не по себе.

Вячко пригласил его к столу. Его жена принесла пиво, квас, соленые грибы и ковригу свежеспеченного хлеба.

– В нижнюю страну отправятся двое? – спросил Вячко. – Синеус жив?

– Да, – ответил Остромысл. – Двое. Еще больные есть, несколько человек заболели. Синеус пока жив. Хотя, знаешь, Вячко, это из-за Синеуса все и произошло.

Вячко вопросительно поднял брови.

– Почему ты так думаешь?

– Волхв ваш, Ядрей, сказал, что сильное колдовство на нас. Он провел все обряды, однако колдовство такое сильное, что обряды не действуют. – Остромысл помолчал, поднял высоко голову, поднес кубок с медом к губам, но, не отхлебнув, со стуком поставил его опять на стол.

Через некоторое время он продолжил в сильном волнении, жестикулируя.

– Этим летом мы ходили в поход на Югорию, до крайней земли дошли. Давно собирались – думали, нет ли там драгоценностей, россыпей золотых. По большой реке плыли. Как Волга, такая широкая река. Сумрачная только очень. И пришли к самому краю света – где все кончается. Деревья там низенькие, как трава, а земля даже летом промерзшая... Но люди живут! Тожё низкорослые, но крепкие. Они называли себя вогулы. Приняли они нас поначалу хорошо. Показали все, не скрывались от нас. Поклонялись они Золотой Бабе.

– Золотой Бабе? – вскинул брови Вячко.

А Медведь, молча присутствовавший при разговоре, уши насторожил.

– Да... Ах, какая она красивая... Вся из золота, большая – вот такая. – Он показал от стола выше своей головы. – И смотрит всегда тебе прямо в лицо. Проницательно так смотрит. Она на вопросы отвечает, путь указывает... вогулам она еду обеспечивала. Они говорили, что удачу в охоте, счастье она приносит. Вогулы нам сами ее показали. Уж очень гордились ею... И Синеус... Синеус украл у вогулов эту Бабу! Они гнались за нами на своих ладьях. Ладьи у них маленькие, верткие... Ты и не видел таких. Однако воины они никакие. В общем, перебили мы их, вся река кровавой стала. И шаман их, умирая, проклял нас. Сказал, что... Ну, не буду повторять. Эту болезнь он наслал. Не знаю, Вячко, понадобится ли ладья для похорон... Может, все мы в нижний мир поплывем на своих уикуях... Знаешь, я бы хотел от этой Золотой Бабы избавиться. Через нее эта болезнь пришла. Я бы продал ее сейчас задешево кому угодно, только Синеус не дает.

Он встал из-за стола, выпрямился и держался очень прямо.

– Не слушай, что я тут говорил. Найди подходящую ладью, Вячко, небольшую. Двое атаманов у нас в нижний мир отправятся. Хорошо их отправить нужно.

Глава 7

Полковник Углов, он же Вовка Африка

Еще не было десяти, когда в дверь к Вере Ильиничне позвонили.

Вчера после всех этих ужасов она отправилась, конечно, к Наде. Не могла оставаться одна. Саша тоже был дома, а дети куда-то ушли.

Втроем посидели, выпили по рюмке.

Потом Саша в свою комнату отправился, а Надя с Верой долго сидели на кухне, вспоминали Светку, вообще жизнь в том доме на Ленина вспоминали.

– А помнишь, в пятидесятые тоже было в нашем подъезде убийство? – спросила Надя.

Да, Вера помнила. Ей тогда было лет пять, а Наде десять. Но она хорошо знала девушку, которую убили. Ее звали иностранным именем Стелла, она была красивая и веселая.

Вера очень любила ее за то, что такая взрослая и красивая девушка замечала ее, маленького ребенка, иногда с ней возилась, называла подружкой. Стелла так радостно удивлялась, что Вера уже умеет читать...

При встрече она напевала «Мой Верунчик так уж мал, так уж мал...», подхватывала ее и кружила...

В общем, Стелла Верочке очень нравилась.

Стелла жила одна на втором этаже, в такой же студии, как и Света Соловьева. Ее тоже задушили. Арестовали вначале Вовку Африку из второго подъезда, но потом пустили. Хотя убийцу так и не нашли.

– Надя, Стелла ведь совсем молоденькая была? А почему она одна жила? Где были ее родители? Ты не знаешь?

Надя помолчала, прежде чем ответить.

– Отца ее я никогда не видела – он на войне погиб, летчик был... У многих отцы погибли, мы же в послевоенное время росли. Она с матерью в той комнате жила. Мать умерла раньше нее. Стелле лет семнадцать было, когда она одна осталась. Она старше меня была на восемь лет всего.

Сестры помолчали.

– А студии на втором этаже теперь уже нет, – вставила Вера. – И даже следов не видно. Ее присоединили к той квартире, которая справа...

– Ну да. Она ведь неудобная. Только у Соловьевой такая странная комната оставалась. Что интересно с ней теперь будет? К исполкому, скорее всего, перейдет. Есть ли у Светы родня?

– Кажется, нет. Она, во всяком случае, говорила мне, что у нее не осталось никого. Кто ж хоронить будет? Думаю, соседи деньги собирают. Ты знаешь, некоторых помню – оказывается, многие люди живут всю жизнь на одном месте.

Надя засмеялась.

– Толик Рассветов из нашего класса так и живет там... Помнишь его?

– Помню, конечно. Он у вас в классе звезда был.

– Да, очень способный, учился блестяще. А сейчас с ЭВМ работает на авиазаводе.

Домой Вера Ильинична вернулась опять поздно. На этот раз ни под аркой, ни возле подъезда никого не встретила. На своем этаже испуганно покосилась на запечатанную соседнюю дверь...

Заснула, однако, быстро: оказалось выпитое с Надей вино.

А на следующий день, в воскресенье, не успела она позавтракать, раздался звонок.

За дверью стоял мужчина, широкоплечий, коренастый и довольно высокий. Лет, пожалуй, хорошо за пятьдесят...

– Вера Ильинична, я полковник милиции Углов. – Он протянул удостоверение. – Меня зовут Владимир Сергеевич.

– Проходите, пожалуйста... – Вера открыла дверь в комнату, показала на стул, сама усе-
лась на соседний.

Настроена она была с утра сурово – нечего по креслам расслаиваться: вчера полдня допрашивали, сегодня опять пришли...

– Извините, возможно, я рановато явился. Но я не задержу вас долго. – Он как будто угадал ее мысли. – Я знаю, что вчера вас подробно допрашивали, читал протокол допроса. Но сегодня я пришел не только как полковник милиции, но и как ваш сосед. Я во втором подъезде живу.

Тут Вера поняла, почему его лицо кажется ей смутно знакомым, и внутренне ахнула.

Это же Вовка Африка! Тогда, на стыке пятидесятих-шестидесятых, он был самым страш-
ным хулиганом в их дворе! Он был много старше Веры, но она отлично его помнила.

В детстве они с Надей его боялись. Этот Африка темными осенними вечерами стоял с двумя-тремя друзьями в узкой каменной арке, только сигаретки попухивали.

Скорее всего, как многие в пятидесятые, они курили «козьи ножки» – самодельные
цигарки из завернутого в обрывок газеты табака. Жили бедно, ребята эти были из неблагопо-
лучных семей. Отец Вовки, как у многих, на войне погиб.

Прозвище Африка появилось, потому что русоволосый веснушчатый Вовка был похож на
негра! Нет, не цветом кожи, а толстыми губами и слегка приплюснутым носом. Его славянское
лицо странным образом смахивало на негритянское.

Вера посмотрела на мужчину внимательнее. Губы стали уже, нос – тоже обыкновенный,
картошкой. Прозвище Африка теперь трудно было объяснить.

Но всего страннее, что он полковник милиции... и такой приличный. Все были уверены,
что он вырастет уголовником. Что за метаморфоза?!

– Владимир Сергеевич, а вы меня не помните? – спросила она. – Я в этом доме жила в
детстве. В шестьдесят третьем году мы отдельную квартиру получили.

– Так вы все же из семьи тех самых Лопуховых, что здесь после войны поселились? –
улыбнулся он. – Я вчера, когда читал протокол, вспомнил, что и раньше в этом подъезде Лопу-
ховы жили, но решил, что это другие, фамилия не такая уж редкая. Это вы на каток часто
ходили? Возвращались поздно, через арку боялись ходить. Бежит девочка в большом свитере,
коньки «гаги» связанные в руках... А мы, подростки, вас нарочно пугали, дураки ведь были
малолетние... Я был хулиган в детстве!

– Нет, это не я! Это моя сестра Надя на каток ходила... И да, свитер надевала папин... –
засмеялась Вера Ильинична. – А я еще маленькая тогда была, на каток не ходила, тем более
вечером.

Настроение у нее переменялось. Сосед, тем более с детства знакомый, – это вам не мили-
ционер!

– Хотите чаю? – спросила она.

– Не откажусь! По-соседски...

После этого атмосфера стала менее напряженной. Совсем даже нормальной стала.

Вера Ильинична пить чай пригласила на кухню, чтобы не таскаться туда-сюда с посудой.
Чай она только что, перед приходом Углова, заварила свежий – сама завтракать собиралась.

Она вновь подогрела кипяток, приготовила бутерброды.

Обычные утренние хлопоты успокоили ее.

– Как вы, конечно, догадались, я по поводу вчерашнего убийства, – начал гость. – Подо-
зреваемый уже есть, он вчера задержан. Это Александр Трапезников. Но свою вину он отри-
цает. В связи с этим к вам несколько вопросов. Не можете ли вы назвать точное время, когда
увидели Трапезникова выходящим из подъезда?

– Время приближалось к одиннадцати, точнее я сказать не могу.

– Непосредственно перед тем, то есть тоже после десяти тридцати, вы встретили какого-то мужчину в арке, он выходил из двора. А не можете ли вы вспомнить, с какой стороны двора он шел? От какого подъезда?

– Нет, я увидела его уже в арке.

– С левой стороны он шел или с правой?

– С левой.

– То есть с длинной стороны дома, выходящей на Ленина?

– Да.

– То есть он мог идти из первого, второго, третьего или четвертого подъездов? Справа у нас только пятый.

– Да. Из пятого не мог. И от сараев вряд ли. Откуда-то слева входил в арку. Из подъездов, скорее всего.

– Не можете ли вы сказать, какого примерно возраста он был? Молодой – старый...

– Ну, лица не видела. А по комплекции не очень молодой, лет пятьдесят.

– Какого он был роста? Как одет?

– Роста выше среднего. Как вы примерно. А как одет, не видно было.

– В свитере, куртке или в пиджаке?

– Скорее, в пиджаке. – Вера задумалась. Мужчина производил впечатление человека современного. – В куртке! Нет, может быть, и в пиджаке... Не помню точно, в темноте и не отличишь. Но не в свитере.

– Был ли головной убор?

– Нет, точно не было.

– Что можете сказать о прическе? Лысый? Кудрявый?

– Не лысый и не кудрявый. Обычная прическа.

– Было ли у него что-либо в руках?

Вера задумалась. Эта тень мелькнула мимо нее, не вызвав страха. Очень приличный. Да, она еще зафиксировала внутренне, что мужчина приличный, такого не испугаешься, даже в подворотне встретив. Он шел энергичным деловым шагом. Размахивал ли он руками? Нет, не особо размахивал... Да, в руках что-то было... Но не авоська...

– Да, – сказала она вслух. – Что-то он держал в руке. Возможно, даже портфель, не могу сказать точно. Нормальный такой мужчина, нормально он выглядел, я его не испугалась. Что-то такое приличное у него в руке было. – Она наморщила лоб. – Дипломат! У него в руках был дипломат!

Дипломаты, небольшие плоские чемоданчики, в начале девяностых входили в моду. Их было не так много – приличный дипломат нелегко купить.

Вера сама удивилась, как много вспомнила. Все же умеет задавать вопросы этот Углов. Вчера, когда отвечала милиции, ей казалось, что промелькнувшего в подворотне мужчину она не разглядела. А вот, оказывается, помнит...

Ее собеседник чертил на бумаге какие-то фигуры. Задумался.

– Теперь несколько вопросов на другую тему, – сказал он наконец. – Вы ведь общались с убитой... с гражданкой Соловьевой довольно близко?

– Ну, не то чтобы очень близко. Разговаривали при встрече. В гости друг к другу только по одному разу успели сходить за полгода, что я здесь живу.

– Вот-вот. Рассказывала ли вам Соловьева что-либо о соседях по дому? Вы ведь в наш дом вернулись после долгого отсутствия. Кого-то из соседей, возможно, вспомнили, кого-то нет...

Вера подумала. Они со Светкой о судьбе своих близких друг другу рассказывали, о себе... О соседях не успели еще.

– Нет, – сказала она вслух, – пока о себе друг другу все рассказали, на соседей времени не было...

– И об Александре Трапезникове ничего не говорили? Он ведь тоже с детства в этом доме живет. Помните, наверное, близнецов... Их все тут знали. Не вспоминали их?

– Нет... О них не говорили. Я только вчера узнала, что Веник умер, один Саша остался. А то при встречах не понимала, кого из них вижу. А что с Веником случилось?

– Вениамин в ДТП попал более двух лет назад... Он шоферил после школы. А Александр на завод сразу пошел. Близнецы разные профессии выбрали.

– Неужели Трапезников Свету убил? А за что? Они и не общались, скорее всего, давно уже, с детских лет... Неужели его и впрямь арестовали?

Углов тяжело вздохнул. Потом кивнул.

– Задержали. В изоляторе он сейчас. Версия следствия: Трапезников мог убить Соловьеву как опасного свидетеля. Вы не были в пятницу на собрании жильцов, а присутствовавшие указывают, что там Соловьева угрожала Трапезникову, что, мол, заявит в милицию: это они с братом четыре года назад ларек на Киселевке ограбили и сторожа убили. Срок давности не истек еще. Однако по этому делу арестованы были тогда подростки и сознались, почти отсидели уже... – Полковник замолчал, задумавшись.

– А к кому он в наш подъезд приходил так поздно, если не к Соловьевой? – решила спросить Вера.

Ответом стал опять кивок, но какой-то странный, растянутый во времени: Углов вначале вскинул голову (взглянул Вере в глаза), потом резко опустил, опять поднял и сказал:

– К Соловьевой! Он этого не отрицает. Только застал ее уже убитой.

Глава 8

Начало ужаса

Небольшую ладью для сопровождения уикуйских атаманов в нижний мир Вячко нашел быстро.

Еще через день состоялся обряд погребения. Вместе с Ляпой и Васькой хоронили Синеуса – он тоже умер как раз накануне события. В ладью вместе с покойниками погрузили их вооружение, медную и серебряную посуду, кое-какие драгоценности. Что еще нужно воинам?

Остромысл хотел отправить с ними и Золотую Бабу, но другие ватажники не дали: Золотая Баба не одному только Синеусу принадлежала, а всей ватаге. Все вместе ее у вогулов отбивали, были и погибшие, и раненые среди них тогда. Вещь дорогая, можно продать.

Засыпать курган над ладьей пришлось уже за пределами городища, на самом его краю, среди редко стоящих сосен.

Несмотря на заступничество Вячко, горожане не согласились хоронить уикуйников там же, где насыпали курганы своим умершим. Боялись заразы. К этому времени болезнь поразила уже многих уикуйников. Ни зелья, ни ворожба не помогали.

Прошло еще два дня. Ладьи уикуйские возле пристани стояли без дела: никто их не смолит, не подкрашивал, не суетился вокруг них. Неизвестна была судьба их хозяев. Рядом с погибшими атаманами насыпали еще один курган – там похоронили без ладьи, без больших почестей еще пятерых уикуйников.

Насыпавшие курган предчувствовали и свою близкую смерть. Вскоре поползли слухи, что жар начался также у некоторых жителей Свинечска, причем у тех, кто успел пообщаться с уикуйниками.

В семье Вячковых пока не болели, наделись на лучшее.

С утра женщины заварили укрепляющие лекарственные травы: полынь, тимьян, девясил.

– Это не значит, что мы боимся, – пояснил Вячко. – Нам необходимо укрепить свои силы. Чем больше у нас сил, тем лучше. Уикуи сейчас волочь не придется, да ведь и дома много работы. И к свадьбе Медведя надо готовиться, теперь уже ничего не помешает.

Медведь давно ждал этих слов. Конечно, откладывать свадьбу нет причины. Нужно немедленно встретиться с Сиггурд, спросить ее, когда лучше прийти официальным сватам – Вячко, конечно, пойдет, и не один! Самых уважаемых людей позовем. С Фари предварительно уже договорено – он не должен отказать. Пусть назначит время, когда можно к нему прийти с официальным предложением.

При подходе к дому Фари он почувствовал раздражающий запах смол.

Волхв Ядрей с помощниками жег волшебные травы и смолы, обносил жертвенник вокруг дома.

«Что такое? – встревожился Медведь. – Волхвов звали только в крайне тяжелых случаях. Но, возможно, ввиду слухов о новой болезни Фари решил обезопасить свой дом, оградить его от выпавших городищу испытаний?!»

Сизый туман поднимался в воздух от курящихся благовоний, Ядрей в самой яркой из своих одежд, в островерхой звездчатой шапке воздевал руки к небу, обращался к богам, выкрикивал слова молитв, пел...

Медведь остановился поодаль: действу нельзя было мешать.

Процессия молящихся три раза обошла вокруг дома. Принесли связанного жертвенного кабана, облили его кровью землю перед входом, налили крови в серебряную чашу, понесли в дом. Значит, в доме есть больной, который должен испить из этой чаши.

«Только бы не Сиггурд!» – думал Медведь.

Сердце его ныло от страха и неизвестности. Стоял, уткнувшись взглядом в глухую бревенчатую стену, и думал, что же произошло.

В стенах домов викингов не было окон, только в крыше имелась дыра, служившая и дымоходом.

Когда волхвы ушли, Медведь подошел ко входу.

Предупрежденная кем-то Сиггурд выбежала навстречу. Глаза ее были заплаканы.

– Отец заболел! – выдохнула она. – Совсем плох. Да и маме сегодня плохо. Может, помогут волхвы, на них вся надежда.

Она согласилась пройти с ним до реки. Слова о сватовстве сейчас были невозможны. Сиггурд даже не догадалась, зачем он пришел. Все ее мысли были в доме, с отцом и матерью.

– Какая ужасная болезнь! – сказала она. – Не надо было отцу принимать Остромысла, это после его посещения началось...

– К вам Остромысл приходил? – быстро спросил Медведь. – Давно?

– Третьего дня. Тогда только атаманов уикуйских похоронили. Он отцу Бабу Золотую принес. Сказал, что это Синеус жадный был, дорожил почему-то этой Бабой. А теперь они дешево продадут. И предложил за триста дирхемов. В десять раз цену снизили! Отец обрадовался и купил, конечно. А заболел он вчера... И мама за ним. Зелье не помогает. В бане тоже парили – без толку. Вот, может, дядька Ядрей поможет...

Они шли возле реки.

– Сиггурд! – Медведь даже остановился, такая страшная мысль пронзила его. – Ты к этой Бабе близко не подходи. Знаешь, мне кажется, может, от нее эта болезнь идет? Напрасно ее твой отец купил.

Сиггурд засмеялась, но как-то нервно.

– Что ты! Какая от нее может быть болезнь! Она красивая, золотая, продали дешево... почему не купить? – Девушка задумалась, глядя на водную гладь в обрамлении высоких сосен, на песчаный пологий берег. Потом опять повернулась к Медведю. – Правда, ты знаешь, наш коток Мышебор ее почему-то сразу невзлюбил... И головой ее бодал, и лапами царапал, и кричал сильно... Мы посмеялись вначале: Мышебор наш к Бабе Золотой ревнует – что мы ею любимся... Не понимает, что неживая она. Но потом отец Бабу запер в кладовке. А то еще поцарапает ее Мышебор. Пусть стоит пока там.

Глава 9

Разговоры в подворотне

В доме все теперь только и говорили, что про убийство.

Обсуждали, конечно, в основном ссору Соловьевой и Трапезникова, которая перед тем произошла.

Оказывается, собрание в пятницу, которое Вера пропустила, было посвящено пресловутому переустройству двора. Как Вера и предчувствовала, мэрия не хотела брать все расходы на себя и предложила жильцам скинуться, чтобы сумму увеличить. Это было подано под тем соусом, что, если уж благоустраивать, так и деревья надо во дворе хорошие посадить, и клумбу развести. В общем, снос помойки и новые контейнеры мэрия берет на себя, а вот заплатить Зеленстрою предлагалось жильцам.

Подробности про собрание Вере рассказали Валя Пашутина и Неля Королева, с которыми она встретилась, как всегда, случайно, при входе во двор.

Говорила, конечно, в основном Валя, а Неля реплики вставляла. Она теперь Веру узнала, конечно, но была не слишком разговорчивой – такая от природы.

Валя Пашутина рассказала, что на этом собрании много было споров – не все соглашались платить. Зарплату на большинстве предприятий подолгу задерживали, многие едва сводили концы с концами, дополнительные поборы были очень некстати.

– Я через этот двор от силы два раза в день если пройду. И мне все равно, есть там деревья или нет, – говорил хмурый Трапезников. – Окна комнаты у меня на улицу Ленина выходят, так что я этих деревьев и не увижу. На заводе не платят уже три месяца, детям скоро будет жрать нечего. Что они, деревья ваши будут жрать или клумбы? Того и гляди завод вовсе закроют, откуда деньги? Пусть, у кого окна во двор, тот и платит. Если они так хотят на цветочки глядеть. А мне не до цветочков!

– И чего это Соловьева с ним спорить стала? – удивлялась Валя. – Окно у нее, конечно, во двор, однако не думала, что она такая сторонница озеленения... Да и с третьего этажа не очень-то она будет цветочки разглядывать...

– А что она сказала? – спрашивала Вера.

Она тоже удивилась, что Светка так активно вела себя на собрании – в спор ввязалась... Вообще-то в детстве она была тихой, даже забитой. И что-то такое в ней и сейчас оставалось.

– В том-то и дело... вначале просто была перепалка, а потом она ему грозить стала. Мол, знаю про тебя такое, что в тюрьму ты сядешь, и надолго. Мол, вспомни, как в восемьдесят восьмом году, еще при советской власти, вы с братом ларек грабнули и сторожа грохнули?! Ты думал, не знал никто?! А я знаю, я видела! Вы в моем трамвае тогда домой возвращались пьяненькие и хихикали, что удачно дельце провернули! Я эти слова, говорит, запомнила: «Удачно мы это дельце провернули. Как ларек грабнули – столько всего! И сигарет, и пива надолго хватит». А на другой день узнала, что на той остановке как раз, где вы сели, ларек ограбили – сигареты и пиво сперли ящиками. А сторожа пристукнули насмерть. Детей каких-то арестовали потом... Сумели, говорит, вы с братцем из воды сухими выйти. Представляешь? Там все аж примолкли, про благоустройство-то забыли.

– Господи! – ахнула Вера. – А Трапезников что?

– А Трапезников испугался, показывает нам, что, мол, она того... У виска крутит. А потом пошел и убил. Должно быть, правду она сказала.

– Господи! – Вера и слов-то других не могла подобрать от таких страстей. – Что это на нее нашло? Почему вспомнила? Из-за клумбы, что ли?

– В тихом омуте черти водятся! – Это Неля вставила.

А Валя пояснила:

– Не только из-за клумбы. Она там расходилась еще раньше, стала требовать, чтобы трубы в квартирах заменили. А это ж про двор только собрание, дом никто ремонтировать, конечно, не собирается; кто ж ей трубы будет менять?

Вера вздохнула. Да, трубы в их подъезде оставляют желать... Ну, менять их сейчас, конечно, никто не будет. Это дохлое дело. Ремонта у государства сейчас просить умный человек не станет, не до того ему.

– Ну, это она зря, – сказала Вера вслух. – Царствие ей, конечно, небесное, но сейчас у государства чего-то просить бесплатного... бессмысленно – и ежу это понятно.

– Так ведь Соловьева в коррекционной школе училась, – усмехнулась Неля.

– Что-то, в общем, ее занесло тогда, в пятницу, – подтвердила Валя.

– Что, конечно, Трапезникова не оправдывает, – подвела итог Неля.

В общем, разговоров было много. Хотя криминальная обстановка в городе в целом была плохой, в их доме это было первое убийство за тридцать лет. Или даже сорок прошло?

Да, более тридцати лет не было в доме убийств – говорили и старожилы. Когда девушку молодую убили в первом подъезде... Как же ее звали?... Нерусское какое-то имя.

– Стелла! – подсказывала Лопухова. – Ее звали Стелла!

– Да-да. – Неля Королева тоже помнила Стеллу. – Она в пединституте на историческом училась! Ее мама с моей вместе работала, они дружили. Я помню, как она приходила к маме и сокрушалась, что плохую профессию выбрала дочь – трудную и неблагодарную... в пединституте эта Стелла училась. Тетя Катя, это ее мать, умерла рано, дочери лет восемнадцать было... А вскоре и ее убили.

Между тем, в вину Трапезникова верили не все.

В понедельник, когда Вера возвращалась с работы, ее окликнул Толик Рассветов, Надин одноклассник.

Моросил мелкий дождик, и они зашли опять под арку.

Толик казался серьезным и озабоченным.

– Лопухова, извини, что я тебя по фамилии называю, но ты на Надьку похожа, мне все тебя хочется Надькой назвать, поэтому лучше Лопухова. Ты вправду встретила Сашку Трапезникова, когда он из квартиры убитой выходил?

– Встретила. Только не из квартиры, а из подъезда. Проскочил как ошпаренный мимо меня. А ты был на том собрании, где они с Соловьевой поругались?

– Ну, был... Дурацкое собрание получилось, там все только переругались и не решили ничего. Соловьева, конечно, отличилась особо.

– Да, я слышала... Странно. Она ведь, помнишь, в детстве тихая была, даже затравленная немного. Кстати, ее именно близнецы Трапезниковы тогда очень дразнили. Может, она вспомнила это и потому на Сашку накинулась?

– Вряд ли она через столько лет вспомнила, что Сашка ее дразнил. Чего ж раньше не вспоминала. Я ее, честно сказать, в детстве почти не замечал. Как и тебя. Вы ж маленькие были: старшие обычно маленьких не замечают.

Вера улыбнулась – так и было. Однако не время сейчас для воспоминаний.

– Так вот, – продолжила она, – Трапезниковы ее дразнили: «Косая!» – она в детстве косила сильно. А они хулиганы были, мы боялись их... Светка от них убегала, они в нее снежками кидались, а летом и камень могли кинуть. Я помню, потому что иногда с ней тоже убегала – чтобы поддержать ее.

– И ты считаешь, что убийство – продолжение той детской неприязни? Дурь какая-то. Я, честно сказать, не очень верю, что ее Сашка убил.

Вера только пожала плечами. На том и расстались.

Глава 10

Решение судьбы Золотой Бабы

После совершенного волхвами обряда Фари продержался еще три дня. Это было большое везение и, как потом оказалось, даже счастье: благодаря этому небольшому отпущенному времени удалось спасти Сиггурд.

А умри Фари сразу, могло кончиться ужасно. Медведь был еще слишком молод, до него не сразу дошли возможные последствия.

Смерть главы рода викингов нередко влекла за собой страшную гибель его домочадцев: их могли отправить в нижний мир вместе с умершим главой, чтобы ему не было там одиноко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.